



## Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «безумие»

© М. В. ТУРИЛОВА

В статье рассмотрен ряд церковнославянизмов, относящихся к лексико-семантическому полю «безумие», проанализированы этимологические гнезда, в которые входят старославянские лексемы. Выделены способы перевода греческих лексем на старославянский язык. Указаны мотивационные модели, которые в древнерусскую эпоху появляются вместе с церковнославянской лексикой в семантическом поле «безумие».

*Ключевые слова:* этимология, семантика, старославянский язык, церковнославянизмы, древнерусский язык, мотивационная модель, лексико-семантическое поле «безумие», перевод, заимствования, кальки.

The article explores Church Slavonic lexemes of the semantic field «*Madness, Insanity*». Methods of translation from Greek to Old Church Slavonic and the semantic foundations of choosing a word for translation are considered. Motivational models of the semantic field «*Madness, Insanity*» appeared in the old Russian language with the Church Slavonic lexemes are named.

*Key words: etymology, semantics, the Old Church Slavonic language, Church Slavonic lexemes, the Old Russian language, motivational model, semantic field «Madness, Insanity», translation, borrowings, calques.*

В настоящей статье исследуются отношения между церковнославянизмами, которые входят в лексико-семантическое поле «безумие», исходными греческими лексемами, исконной древнерусской лексикой, семантикой праславянских гнезд. Проанализированные старославянские слова входят в этимологические гнезда \**bujъ(jb)*, \**běsъ*, \**jьstъ(jb)*, \**lьstь*, \**mrk-* / \**mork-*, \**rodъ*, \**sluti*, \**stopiti*, \**umъ*, \**vьlati*. Выделены несколько типов отношений между церковнославянизмами, греческими лексемами и исконной лексикой гнезд.

Представление об одержимости злым духом существовало в языческих верованиях славян [1. С. 98], мотивационная модель «одержимый злым духом» → «сумасшедший» существует уже в праславянскую эпоху, поэтому перевод греч. *δαμονίῳν, δαμονίζεσθαι* «быть одержимым злым духом» старославянскими лексемами *бесновати ся, беситися* является закономерным. Этими же лексемами переводятся греч. *μαίνεσθαι, λυτῆν* «бесноваться, неистовствовать» [2. С. 106–107]. Они относятся к этимологическому гнезду праслав. \**běsъ* «злой дух», которое затем стало использоваться в качестве эквивалента христианских греко-латинских терминов *satanas* и *diabolus* [1. С. 98]. Церковнославянизмы *бесновати ся, беситися* «быть одержимым (бесом), помешанным», попадая на древнерусскую почву, входят в уже существующую мотивационную модель, в дальнейшем развиваясь подобно исконной лексике (следующий этап развития значения — семантика «злиться»).

Церковнославянизмы *юродивыи* «глупый, неразумный, безумный», «юродивый», *юродъ, юродьство* соседствуют с др.-рус. *уродивый, уродъ, уродьство* [3. Т. III] и продолжают праслав. \**Orodъ* с отрицательной приставкой \**Q-* (ср. *убогий*), букв. «не в род» [4. Т. II], соответствуя мотивационной модели «выродок, отличающийся от прочих в роду, окружающих» → «глупый, неразумный, безумный». Лексемы находятся в синонимических рядах с *безоумнь* — *боуи* — *неразоумнь*, *безоумие* — *боуесть* — *боуиство* — *неразоумие* и др.

Для нескольких заимствований из старославянского языка обсуждается статус словообразовательных калек с греческого либо продолжений праславянских лексем. Речь идет о ст.-слав. *безоумие* «безумие, неразумие, глупость», используемом для перевода греч. *ἄφροσύνη*

«глупость, неразумие», ἀνοία «потеря рассудка, безумие» [1. С. 80–81], *безоумьнъ* и *безоумьль* «неразумный, не в себе», соответствующим греч. ἄφρων «неразумный, не в себе» [Там же]. По внутренней форме они аналогичны греческим лексемам: «отрицание + мудрость, разумность, здравый смысл / разумный, здравомыслящий» (греч. ἄφρων vsφρονίμος «мудрый, здравомыслящий, разумный»). Греч. ἀνόητος «неразумный, глупый» и ἄφρων переводятся также ст.-слав. *неразоумьнъ* и *несъмысльнъ* [Там же. С. 227], в позднейших церковнославянских текстах эквивалентом ст.-слав. *безоумие* выступает слово *несъмысльность* [Там же. С. 80–81].

По мнению О.Н. Трубачева, впрочем, старославянские лексемы не являются кальками с греческого, а продолжают праславянские, представляют собой суффиксальные производные от основы *\*bezum-* или префиксально-суффиксальные производные от *\*umъ*. Слова подобной структуры, близкие по значению, есть и среди исконной лексики. Так, продолжением праслав. *\*bezgolvъ(jь)* – сербохорв. *bēzглав* «безголовый», «безрассудный, помешанный», рус. *безголовый* перен. «лишенный здравого смысла, глупый, тупой», укр. *безголовий* «безумный, бессмысленный»; *\*bezgluzdъ(jь)* – рус. диал. *безглуздый* «бессмысленный, бестолковый», «безмозглый». Вероятно, в пользу этого свидетельствует структурная и семантическая синонимия указанных лексем с продолжениями праслав. *\*neumъ* – рус. диал. *неум* «безумие, сумасшествие», «бессознательное состояние», «глупый человек, дурак»; *неумь* «отупление, оцепенение», «бессознательное состояние»; *\*neumъje* – сербохорв. *neumе*, «потеря разума, безумие»; русск. *неумье* «неразумие, нерассудительность», «неуменье» [5. Вып. 21. С. 195]), *\*neumъnъ(jь)* – сербохорв. *nēuman* «неумный, безумный, невежественный» [6. Вып. 2. С. 57–58].

В этимологическом гнезде *\*lъstъ* с первичной семантикой «хитрость, обман» старославянизмы *прельстити*, *прельсть*, связанные с обозначением помрачения сознания, отвечают славянским представлениям о связи обмана, обольщения и потери рассудка. Др.-русск.ц.-слав. *прельстити* означает «привести в изумление, свести с ума» [7. Вып. 18. С. 267], первое значение этого слова – «обмануть», также «вести в заблуждение», «увлечь, прельстить», *прельститися* др.-русск.ц.-слав. «заблудиться», «впасть в соблазн» [3. Т. II]. Ц.-слав. *лъстити* и *прельстити* используются для перевода греч. περὶπλανῶν, δολοῦν «обманывать» и πλανῶν «обмануть, ввести в заблуждение, обольстить, соблазнить» [2. С. 313, 544]. Ст.-слав. *лъсть* и *прельсть* означают «обман, хитрость», «соблазн, обольщение», «ересь» [3. Т. II]. Ст.-слав. *лъстьць* и *прельстьникъ* «тот, кто обманывает, хитрит» также используются для перевода греч. δολῆνος «обманщик, соблазнитель», «дьявол» [2. С. 313–314, 544]. Мотивационная модель «обманывать» → «вводить в заблуждение, лишать ясности рассудка».

Праслав. *\*lbstь* является древним заимствованием из германских языков: гот. *lists* означает «хитрость, козни» [8. Вып. 9. С. 82], в славянских языках заимствование развивает значения «лесть», «обман», «коварство, хитрость», «лживость».

Мотивационная модель «обманывать» → «лишать ясности рассудка, сводить с ума» существует в праславянской лексической системе: например, праслав. *\*ludъ* означает «сумасшедший, глупый» (*луд* рус. диал. «дурак», сербохорв. *lūd, lúda* «сумасшедший, слабоумный, глупый» и др.), при этом этимологически оно родственно гот. *liuts* «лицемерный, ханжеский», *liutai* «фигляры, мошенники» [9. Т. II. С. 528].

К смешанному случаю (реализация семантической потенции славянского гнезда и освоение заимствований) относятся старославянизмы с семантикой «глупость, неразумие, безумие», появляющиеся в этимологическом гнезде *\*bujь(jь)* («расти, становиться сильным», «буйствовать, бушевать»). Старославянские лексемы, взаимодействуя с исконной лексикой со значением «буйствовать, бушевать», получают семантическое развитие и начинают означать «безумие, бешенство».

Старославянизмы *боуи, боуство, боуесть* «глупость, неразумие» [2. С. 102–103] входят в этимологическое гнездо *\*bujь(jь)* (к и.-е. *\*bhōu- / \*bhū-* «расти, становиться сильным», откуда «сильный, бурный, буйный») [3. С. 65] и находятся в смежной области по отношению к лексико-семантическому полю «безумие». Церковнославянизмы встречаются с древнерусской лексикой с другими значениями: др.-русс. *буесть* «буйство, неистовство» [11. Вып. 1. С. 323], *буи* «дерзкий, непокорный», «сильный, смелый» [3. Т. I], *буиство* «смелость» [Там же], *буесть* «запальчивость, смелость, храбрость», русск. диал. *буесть* «отвага, удаль», *буй* «сильный ветер, стремнина на реке». В старославянском языке, напротив, слово *буи* в значении «сильный, смелый» не встречается, а слово *буесть* имеет значение «смелость, дерзость» (только один раз) [Там же; 14. С. 162].

Сосуществование в пределах одного этимологического гнезда семантики «неразумный, глупый», возможно, влечет за собой развитие значений «безумный»: *обуеныи* «безумный» [Там же. Т. II. С. 557]; *буйственныи* «свойственный безумцу, юродивому» [7. Вып. 1. С. 350]; далее в языке XVIII века *буйственныи* «безумный, незаконный, бунтарский» [12. Т. 2]; *буйственне* «безумно» [7. Т. I. С. 350]; *буйство* «безумие, незаконие» [12. Т. 2. С. 159]; *буяти* «безумить, лишать рассудка», «обезуметь» [13. С. 198].

Старославянизмы вносят новые мотивационные модели. Выбор этимологического гнезда для калькирования обусловлен существованием в нем лексики с близкими по семантике значениями. В этимологическом гнезде *\*jьstь(jь)* «тот самый, настоящий, истинный», ст.-слав. *неистовъ* «безумный, помешанный, неистовый», *неистовыи* «безумный,

помешанный», *неистовство* и *неистовление* «безумие, помешательство» [14. С. 149–150], вносят новую мотивационную модель «ярость, бешенство» → «безумие, помешательство». Слова являются производными с отрицанием *не-*, восходящие к праславянскому *\*jьstvъ(jь)* «тот самый, именно тот» (ср. ст.-сл. *истъ*, ц.-слав. др.-рус. *истыи* «этот, тот», «истинный» и др.) [10. С. 311].

В старославянском языке сохраняется противопоставление *истовыи—лъжь* [14. С. 83], в древнерусский период слово *истовыи* употреблялось в значении «истинный, настоящий, верный» и в древнерусских, и в церковнославянских памятниках [3. Т. I]. Вероятно, осознается соотношенность значений «истинный, настоящий» (для *истовыи*) и «безумный» (для *неистовыи*), и поэтому ц.-слав. *неистовыи* «безумный, помешанный», *неистовство*, *неистовление* «безумие, помешательство» получают дополнительные коннотации – этическую оценку безумия, помешательства как следствия несправедности, отклонения от истины, нарушения Божиих заповедей. Таким образом, старославянизмы, возможно, актуализуют имеющиеся в славянской картине мира представления о связи обмана, лжи и помешательства (мотивационная модель «обманывать» → «лишать ясности сознания, рассудка»).

Слова *неистовыи* «безумный, помешанный», *неистовство* и *неистовление* «безумие, помешательство» сохраняются в этих значениях в древне- и старорусском языке [7. Вып. 11. С. 145, 142; 144]. В качестве синонимов указанных слов выступают ст.-русск. *неистовьными* «безумный, помешанный» (XV–XVI в.) [Там же] и ц.-слав. *неистовие* «безумие, неистовство» (XVI в.).

Входящие в этимологическое гнездо *\*mьrk-* ст.-слав. *помрачити* и *помрачати* [2. С. 476], *омрачати* и *омрачити* «затмить, омрачить» [Там же. С. 411–412] используются для перевода греч. *οχολιζειν* «затмить, затемнить», «ослепить», перен. «ошеломить, изумить», «сбить с толку», производного от греч. *οχλοσ* «темнота, мрак», «помрачение (ума)» и развивающего семантику безумия по мотивационной модели «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», ср. также *помрачение* «затмение, омрачение, ослепление» [Там же. С. 476].

Таким образом, вместе с кальками на древнерусском этапе появляется метафорический семантический переход «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», и он осознается носителями языка: значение «темнота, мрак» представлено др.-русск.ц.-слав. *помрачение* «затмение», «темнота», *помрачении* «мрачный, темный», *помрачити* «затемнить, затмить» (например, о солнце) [3. Т. II], ср. также *мракъ* в значении «туман», перен. «туман, пелена перед глазами» [Там же].

Примечательно, что в этимологическом гнезде *\*mьrk-* уже на праславянском этапе существует группа слов со значением измененного состояния сознания, сумасшествия: это славянские продолжения праслав.

*\*morkъ / a* (рус. диал. *морока* «обморок, припадок, омрачение ума» [15. Т. II], рус. диал. *морок* перен. «что-н. одуряющее, очаровывающее, помрачающее рассудок» [16. Т. II], *наморки* «невменяемость», *наморки напали, наморок зашел* «началось помрачение ума, затмение рассудка» [17. Вып. 8. С. 11]), *\*ptomčiti (se)* (*поморочиться* смол. «утратить ясность сознания, рассудка» [Там же. С. 169]) и многих других праславянских лексем.

Они являются производными глагола праслав. *\*mьrk'iti* «сверкать, мерцать, мигать» [6. Вып. 21. С. 133–135, 8. Вып. 10. С. 156], описывают повторяющиеся колебания света и, как следствие, нарушение ясности сознания, помрачение рассудка (мотивационная модель «мерцать, колебаться (о свете)» → «лишать ясности сознания») [19.]. Таким образом, для перевода греческих слов выбрано наиболее близкое по семантике праславянское гнездо, в котором есть обозначения измененного состояния сознания, развивающие данную семантику по другой мотивационной модели, а вместе со старославянскими словами в этом гнезде появляется новый, заимствованный семантический переход.

В лексико-семантическое поле «безумие» входит группа церковнославянизмов, относящихся к этимологическому гнезду *\*stopiti: иступление ума* ц.-слав. (XI в.), это выражение сохраняется вплоть до XVIII века в том же значении — *исступление ума* «лишение рассудка, разума» [12. Вып. 9. С. 174]; *иступъ* ц.-слав. «исступление [3. Т. I]; *иступивши* др.-русс. ц.-слав. «исступленный, лишенный рассудка» [Там же]; *изступитиизъума, умомъ* др.-русс.ц.-слав. «потерять рассудок, сойти с ума» [11. Вып. 4. С. 96; 7. Вып. 6; 3. Т. I]; *изступатиумомъ* др.-русс., русск.-ц.-слав. «прийти в умственное расстройство, помешаться» [Там же].

Ц.-слав. *иступление, иступъ* являются кальками греч. ἔσχασις «смещение, перемещение, выход наружу, перен. исступление, измененное состояние сознания, помешательство, помрачение». Ц.-слав. *иступити* сохраняет значение «выйти, отделиться» [Там же] в древне- и старорусский период. Распространение глаголов сочетанием существительного с предлогом (ст.-русс. *исступитисяума* «сойти с ума, лишиться рассудка» [7. Вып. 6], *исступитъ из себя, иступитъ из ума, разума, иступитъ ума* «потерять рассудок» [12. Вып. 9], вероятно, указывает на актуализацию заимствованной мотивационной модели «выйти наружу» → «лишиться рассудка» в пространстве исследуемого лексико-семантического поля «безумие».

На древнерусском этапе в лексико-семантическом поле «безумие» появляются церковнославянизмы *влающи* «припадочный, бесноватый» [11. Вып. 2] и *влатися* «бесноваться» [Там же].

Оба слова, входящие в семантическое поле «безумие», образованы от глагола *влати* «волноваться (о море)» (праслав. *\*vlati* «волновать, качать» [9. Т. I]), значение глагола *влатися* «быть застигнутым бурей



в море, подвергаться ударам волн», «качаться на волнах» [11. Вып. 2], и используются для перевода греч. *χεῖραζόμενος* «бесноватый, припадочный» ← «досл. обуреваемый, подвергающийся непогоде» и [3. Т. III]. Семантический переход «подвергаться ударам волн, ветра, шторма» → «бесноваться» не имеет примеров среди исконной по происхождению лексики и является случаем семантического калькирования греческой лексемы.

В некоторых случаях можно говорить о частичном калькировании. Глаголы *бесьноватися* и *беситися* в сочетании с выражением *на новъ мѣсяць* используются в старославянском языке для перевода греч. слова *σεληνιαζομαι* «быть помешанным, досл. лунатиком» (в том же значении используется выражение со сложением *зълодѣяи ся* «недомогающий, плохо себя чувствующий» (о лунатике) [14. С. 239]).

Однако в действительности луна и месяц у славян устойчиво ассоциируются с загробным миром, областью смерти; лунный свет считается опасным и вредным, привлекающим нечистую силу [20. Т. III. С. 143–147]. В других славянских языках есть слова, которые развивают семантику «сумасшедший» на основе значения «лунатик»: ср. бел. *прылунелы, аблунелы, аблунейшы, луняваты, лунькаваты* «сумасшедший, психический больной», *лунь* «ненормальный, психический больной» [13. С. 67]. Таким образом, семантический переход, который вносят заимствования, соответствуют сходным собственно славянским представлениям о связи луны и болезни, несчастья.

Наконец, в том же гнезде *\*bēsъ* есть примеры словообразовательных калек. Это прилагательные *зълобесьнь* «одержимый злым духом, еретик» [7. Вып. 6. С. 17] и *зълобесовъ* «одержимый бесом» [3. Т. I], кальки греч. *μαχοδαίμων* «одержимый бесом», и их дериваты: др.-русс.-слав. *зълобесованье, зълобесье* и *зълобесовьствие* «о язычестве, идолопоклонстве», «одержимость бесами», *зълобесовьныи* «относящийся к *зълобесованье*» [11. Т. III].

Появление новых мотивационных моделей может быть связано с расширением семантики праславянского гнезда. Ст.-слав. *бесловесьнь, бесловьнь, несловесьнь* «неразумный, глупый, безрассудный» — словообразовательные варианты калькирования греческой композиты *ἄλογος* со значением «необдуманный, нелогичный» (от *λόγος*), «неискушенный в беседе, споре». Такое калькирование поддерживается тем, что в ряде славянских языков есть продолжения праслав. *\*bezslolvъnъ(jь)* со значением «бессловесный, безмолвный» [14. С. 189]. Лексемы со значением «неразумный, глупый, безрассудный» сохраняются в церковнославянском языке древнерусского извода [11. Вып. 5. С. 361; 12. Вып. 2. С. 2, 8].

В семантическое поле «безумие» вносится новый семантический переход, связанный с представлением о связи слова и смысла, способности

мыслить, ясности рассудка. Кроме того, поскольку вместе с христианскими текстами на древнерусском этапе актуализуются дополнительные значения лексемы *слово* (*Бог Слово – Иисус Христос*), мотивационная модель осознается как «без Бога» → «неразумный, глупый, безрассудный».

Наконец, в старославянском языке есть прямые заимствования из греческого. Так, в период древнерусского языка в лексико-семантическом поле «безумие» появляется церковнославянизм *салосъ, саллосъ* «юродивый» [7. Вып. 23. С. 25], который является заимствованием греч. *σαλός* «глупый, слабоумный», «блаженный, юродивый» и выступает в качестве синонима слово *юродъ*.

Таким образом, греческие и старославянские лексемы, церковнославянизмы и исконная лексика гнезд могут находиться в следующих отношениях. 1. Старославянская лексема является точным соответствием греческой лексемы, ее семантика является этимологически исконной, старославянизм имеет соответствия с тем же значением в славянских языках. 2. Старославянизмы реализуют семантическую потенцию праславянского этимологического гнезда. Семантика безумия другими лексемами гнезда не представлена, мотивационная модель соответствует славянской картине мира. 3. Старославянизмы являются кальками греческих лексем и привносят новые мотивационные модели. Выбор этимологического гнезда для калькирования обусловлен существованием в нем лексик с близкой семантикой, которая развивается по другим (исконным) моделям. В некоторых случаях можно говорить о частичном калькировании. 4. Появление новых мотивационных моделей может быть связано с расширением семантики праславянского гнезда. 5. В старославянском языке есть прямые заимствования из греческого.

Вместе с церковнославянской лексикой в древнерусскую эпоху в семантическом поле «безумие» появляются новые мотивационные модели: «ярость, бешенство» → «безумие, помешательство», «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», «выйти наружу» → «лишиться рассудка», «подвергаться ударам волн, ветра, шторма» → «бесноваться», «бессловесный» → «неразумный, глупый, безумный», «без Бога» → «неразумный, глупый, безрассудный».

### Литература

1. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.
2. Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.). М., 1994.
3. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.



4. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999.
5. Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965—.
6. Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. М., 1974.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975.
8. Этимологический словарь русского языка. 1963.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
11. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Л., 1984—.
13. *Срезневский И.И.* Дополнения к материалам для словаря древнерусского языка. Репринт издания 1895 г. М., 1958.
14. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. М., 1977.
15. *Buck С.Д.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages.
16. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.
17. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935—1940.
18. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974.
19. *Меркулова В.А.* К истории становления народной медицинской терминологии. // *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes.* Leipzig, 1972. Bautzen, Domovina—Verlag, [1975].
20. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995.

*Калужский филиал МГТУ  
им. Н. Э. Баумана*